
Сергей Афанасьев
Жизнь бывает не только одна. Том 3
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Сергей Афанасьев

Жизнь бывает не только одна. Том 3

«Автор»
2026

Афанасьев С.

Жизнь бывает не только одна. Том 3 / С. Афанасьев — «Автор», 2026

Макс однажды умер на Земле и был перенесен в хранилище Богини для выполнения её поручений. Так как герой был военный — то и поручения ему давали такого же рода. Главное у Макса природная большая харизма и он не унывает, всегда на своих ошибках учится и идет вперед. Но на этот раз в одном теле с Максом находится древний архидемон, который так же, как и Макс, попал после смерти к Богине. И теперь им вместе надо выполнить приказ Повелительницы Богини— иначе это будет для них последняя жизнь.

© Афанасьев С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отдать долги 5
Глава 2. Знакомые места 13
Глава 3. Все в сборе 24
Глава 4. Новая семья 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сергей Афанасьев
Жизнь бывает не только одна. Том 3

Глава 1. Отдать долги

Великий Гномий Тракт плавился под беспощадным июньским солнцем. Широкая, мощенная старым обтесанным камнем дорога, тянувшаяся от коронных земель вокруг Мортенхайма на северо-восток — к неприступным горным хребтам, перед которыми лежало Великое Королевство Гномов, — сейчас напоминала раскаленную сковороду. Пыль с обочин, поднятая копытами лошадей и окованными железом колесами двенадцати тяжело груженных фургонов, висела над колонной густым, удушливым облаком, оседая на дорожных плащах, сбруе и выгоревшем брезенте. В придорожных кустах одуряюще стрекотали цикады, воздух дрожал над нагретыми плитами, а редкие верстовые столбы заросли рыжим лишайником и полынью так густо, что разобрать на них древние имперские отметки не взялся бы и сам хранитель столичных архивов.

Макс легко покачивался в седле крепкого гнедого жеребца, придерживая поводья левой рукой и щурясь из-под поля дорожной шляпы на уходящую вперед ленту тракта. Снаружи он выглядел как обычный девятнадцатилетний парень в добротном, но неброском кожаном колете — без единого шрама на лице, с коротким мечом на поясе и легким дорожным арбалетом у луки седла. Однако под плотной тканью колета у самого сердца привычно грел бок тяжелый гномий магический пистолет, на поясе висел тугой кошель с клейменым королевским и гномьим золотом, а в груди ровно, как хорошо отлаженный механизм, гудел магический источник студента второго курса Королевской Магической академии.

Колонна растянулась по тракту почти на сотню шагов, сбитая в строгий походный порядок. Во главе и в хвосте шли девять больших крытых столичных фургонов под началом двух солидных, тертых жизнью гильдейских купцов — дородного, степенного мастера Бальтазара в дорожном кафтане, отороченном куньим мехом (который он в такую жару все же скинул на козлы), и сухопарого, дотошного господина Олафа, не выпускавшего из рук окованную медью учетную книгу. В их фурах в приграничное графство Окхейм везли дорогой столичный товар, на который там всегда держался высокий спрос: тюки тонкого южного сукна и шелка, бочонки с заморскими пряностями, ящики с городской посудой, лекарские снадобья, соль и ремесленные изделия. А в самом центре обоза, надежно прикрытые спереди и сзади фургонами людей, катили три низкие, основательно окованные железом повозки гномов. Пятеро угрюмых, широкоплечих подгорных мастеров в кольчугах и стальных наплечниках везли в свои предгорья редкие алхимические реактивы, чистые магические кристаллы и тонкий ювелирный инструмент. Гномы своей земли под пашню почти не имели, поэтому на обратном пути планировали закупить в плодородных землях Восточного Королевства зерно, вяленое мясо и солонину, а пока держались обособленно — но за общую охрану платили исправно и полновесным золотом.

Охрану каравана возглавлял одноглазый, покрытый старыми рубцами десятник Кромвель — бывалый наемник из столичной гильдии. Под его рукой шли полтора десятка проверенных в стычках мечников и копьеносцев, четверо метких арбалетчиков на козлах фургонов и двое походных боевых магов уровня старшего ученика: худой, молчаливый огненник лет тридцати и коренастый, вечно хмурый маг земли. На самого Макса, нанявшегося в охрану в последний день перед выходом из Мортенхайма, наемники поначалу поглядывали с кривой усмешкой, как на столичного юнца, решившего понюхать дорожной пыли. Но хватило двух ночевок и пары стычек с лесными тварями, чтобы усмешки исчезли: девятнадцатилетний парень ставил

лагерь и читал следы с холодной сноровкой бывалого разведчика, а в бою двигался с пугающей скоростью.

И все же от самой границы коронных земель до подступов к Окхейму переход выдался на редкость тихим. Ни одной разбойничьей засады, ни одного перекрытого валежником оврага. Для купцов такая дорога была подарком судьбы, но для бывшего офицера ГРУ затянувшееся затишье означало лишь одно: на этом участке Великого Гномьего Тракта хозяйничала одна-единственная, очень жесткая рука.

— *Скучаешь, солдат?*— лениво протянул в глубине сознания бархатный, чуть насмешливый голос пятисотлетнего архимага-демона. — *Ни крови, ни приличной засады в овраге, ни даже завалящего лесного тролля. Только эта адская июньская духота и скрип рессор. После столичных развлечений с префектом мне уже начинает не хватать хорошего фейерверка.*

— Радуйся, Док, — мысленно отозвался Макс, пуская гнедого легкой рысью вдоль колонны и автоматически прощупывая взглядом сухой сосняк по обе стороны дороги. — Тихий переход — лучший переход. Меньше шума, целее товар, свежее голова. А фейерверков нам в Окхейме хватит. И без лишнего повода светить там огненную магию я не собираюсь — не хватало еще, чтобы по плетению нас срисовали раньше времени.

— *Разумно, хоть и до зевоты скучно,*— хмыкнул Люциус. — *Напомни мне еще раз, зачем богатому столичному домовладельцу, студенту Академии и тайному союзнику Его Величества Вальдхарда Третьего вообще лезть в эту приграничную дыру, где его до сих пор ищет каждая собака графа и «Ночных Крыс»? Съездили бы сразу в Валлантию, навестили бы твоих цыганских подопечных — Катю с Петей, забрали бы долю из тайников, и дело с концом.*

— До Валлантии и детей мы еще доберемся, — сухо ответил Макс. — Но сперва нужно закрыть старые счета здесь, в Окхейме. У тела Гриуса остались мать, две старшие сестры и младший брат. Если я собираюсь дальше жить и двигаться наверх в этом мире, я не могу оставить семью парня, чье место занял, в нищете под кулаком у скотины-отчима. Да и кое-кому из местных давно пора вернуть должок с процентами.

Люциус промолчал. Спорить с земным прагматизмом он давно перестал, предпочитая наблюдать и ждать, когда дипломатия уступит место старому доброму силовому решению.

Скрипнув рессорами, головной фургон чуть притормозил. С козел свесился мастер Бальтазар, вытирая шелковым платком взмокшую шею.

— Эй, Макс! — негромко окликнул купец, щурясь на выцветшее от зноя небо. — Кромвель говорит, до пограничной заставы Окхейма от силы две лиги осталось. Слава богам, дотянули без приключений! Видать, граф Морис де Вале и впрямь железной рукой свой кусок Тракта держит, не зря про него по трактирам судачат. Говорят, при нем ни одна шайка без его ведома даже кошель у путника срезать не смеет!

Макс коротко кивнул, делая себе мысленную зарубку. Про графа Мориса де Вале он знал куда больше, чем благодушный столичный купец — и как бывший узник местного подполья, и как человек, успевший заглянуть в столичные расклады. Морис де Вале, один из одиннадцати прямых коронных графов страны, превратил приграничный Окхейм в собственную вотчину страха. Он не боролся с преступностью — он ее возглавил. Местные шайки и городское подполье, включая безжалостных «Ночных Крыс» во главе с изуродованным Шрамом, работали на графа, выполняя для него грязную работу в обмен на крышу от стражи. Через участок Великого Гномьего Тракта текли огромные деньги, но половину дорожных и таможенных пошлин граф был обязан отдавать напрямую в казну короля Вальдхарда Третьего — а фанатичное строительство храмов Культа Зигурда Могучего, тайный сговор с герцогом фон Вестеном и подкуп столичных чиновников сжирали золото быстрее, чем оно оседало в графских сундуках.

Именно поэтому люди де Вале руками бандитов Шрама и выкрали шестнадцатилетнего лорда Эдмунда — второго любимого сына старого барона Оливера де Рогана, одного из четырех вассальных баронов графа. Расчет был прост: надавить на Рогана и прибрать к рукам спор-

ные земли вдоль гномьего тракта и пограничную таможню, урезав долю короны. Вытащив умного парня из подпольной тюрьмы «Ночных Крыс» и уведя его из города через потайной гоблинский лаз в стене, Макс сорвал графу крупную игру. И теперь и тайная канцелярия лорда Ральфа де Мартела, и ищейки Шрама наверняка до сих пор держали ориентировку на дерзкого беглеца.

К воротам города караван подошел уже на закате, когда летний зной начал спадать, а от реки потянуло теплой тиной и дымом кузниц. Впереди выросла мощная — метров восемь в высоту — каменная стена Окхейма, по верху которой едва заметно мерцала голубоватая дымка магического щита. Над морем черепичных и тесовых крыш нижнего города, словно каменный колосс, возвышался самый высокий в городе величественный храм Культа Зигурда Могучего — сам же граф Морис де Вале предпочитал держать свою родовую крепость не здесь, а в десяти лигах от столицы, на неприступном скалистом кряже.

Вот он, город, где начиналась чужая жизнь, ставшая теперь его собственной.

Память прежнего владельца тела — парнишки по имени Гриус — отозвалась в сознании четкими, горькими картинками. Крепкая некогда купеческая семья: отец, мать, две старшие сестры — одна на четыре года старше, другая на два — и младший братишка, моложе Гриуса на три года. Все рухнуло, когда Гриусу было восемь: караван отца вырезали разбойники, городские купцы мигом отобрали две семейные лавки якобы за долги покойного, а оставшаяся третья лавчонка на рынке приносила гроши. Семья скатилась в лачугу на окраине. В десять лет отчаявшаяся мать снова вышла замуж, но отчим возненавидел пасынка с первой секунды, а остальных детей считал лишними ртами. Чтобы выжить, Гриус ушел прислужником в тот самый храм Культа Зигурда Могучего, где в шестнадцать лет Настоятель запер его в кабале, насчитав сто восемьдесят золотых долга за похлебку и обноски. А потом местные отморозки силой погнали запуганного парня через сточную трубу канализации в алтарь за серебряными подсвечниками — прямо под арбалетный болт храмовой стражи. На холодном мраморе Гриус испустил дух, и по воле Богини Вектурны в его остывающем теле очнулся Макс.

Он глубоко вдохнул нагретый за день городской воздух и медленно выдохнул.

Теперь у него в Окхейме имелся целый список адресов: отыскать мать, сестер и младшего брата, вытащить их из нищеты в безопасное место, а затем по очереди предъявить счета отчиму, городским отморозкам, наглым купцам, ограбившим вдову, и жадному Настоятелю. И провернуть все это нужно было тихо и чисто, пока люди графа Мориса де Вале и головорезы Шрама не поняли, что беглец, уведший у них лорда Эдмунда, вернулся в Окхейм.

Караван втянулся в очередь перед Южными воротами. Десятник Кромвель поехал вперед договариваться со стражей, а Макс чуть сдвинул шляпу на лоб, прикрывая лицо от закатных лучей, и незаметно проверил, легко ли ходит в кобуре рукоять гномьего пистолета.

Охота начиналась.

У Южных ворот Окхейма к закату скопилась порядочная толчея. В густом, пыльном воздухе висел смешанный запах конского пота, нагретого за день камня, жареной на сале похлебки из придорожной харчевни и сладковатого дыма дешевого табака. Две шеренги городских стражников в потемневших от влаги бригантинах с вышитым на груди серебряным волком — гербом дома де Вале — работали с ленивой, но въедливой дотошностью людей, которым сверху спустили строгий приказ и пригрозили батогами за любую оплошность.

Десятник Кромвель, спешившись у самой арки, неторопливо переговаривался с начальником караула — коренастым, коротко стриженным сотником с одутловатым от жары и пива лицом. Рядом суетились купцы Бальтазар и Олаф: первый с благодушной улыбкой развязывал тугой кошель, отсчитывая въездную пошлину и обязательный «подарок на благоустройство гарнизона», второй тыкал длинным пальцем в пергаментные накладные, перечисляя рулоны южного сукна, бочонки с пряностями и ящики со столичной посудой. Пятеро гномов во главе с Двалином держались чуть в стороне у своих окованных железом телег — подгорные мастера

предъявили гильдейские верительные грамоты с рунными печатями, против которых у местных вояк кишка была тонка лезть с мелочными придирками.

Макс сидел в седле спокойно, чуть расслабив плечи и небрежно положив ладонь на луку. На вид — обычный девятнадцатилетний парень из столичной охраны обоза: лицо чистое, без единого шрама, дорожный колет запылен в пути, шляпа чуть сдвинута на лоб, прикрывая глаза от низких багровых лучей заходящего солнца.

— *Смотри, как в лица заглядывают,*— негромко протянул в сознании Люциус. — *Вон тот писарь у стола даже пергамент с приметами держит. Ищут, родимые. До сих пор забыть не могут, как ты им всю малину с сыном барона Рогана испортил.*

— Пусть ищут, Док, — мысленно отозвался Макс, когда очередь дошла до всадников охраны. — На то у них и служба. Главное — не дергаться и вести себя как человек, которому абсолютно нечего скрывать.

Писарь — худой, желчный мужичок в засаленном кафтане с чернильными пятнами на пальцах — окинул Макса быстрым, цепким взглядом, задержался на глазах, потом скользнул по чистым, не знавшим ни ожогов, ни рубцов щекам и протянул руку.

— Бумаги. Имя, откуда путь держишь, цель прибытия в Окхейм.

Макс молча достал из внутреннего кармана колета сложенный вчетверо плотный лист гербового пергамента с сургучной печатью Мортенхайма — те самые подлинные документы, которые в свое время передала ему в Валлантии мадам Лукреция за разведку усадьбы похитителей и записку ее детям.

— Максимилиан Бруковски, — ровным, чуть скучающим голосом ответил он. — Из столицы, студент второго курса Королевской Магической академии. На каникулах нанялся в охрану к купцам Бальтазару и Олафу, довел обоз до Окхейма. Дальше у меня в городе свои дела.

Писарь развернул бумагу, придирчиво осмотрел водяные знаки на просвет, сверил печати столичной канцелярии и Академии, затем еще раз глянул на Макса. Ориентировка от людей лорда Ральфа де Мартела и «Ночных Крыс» описывала совсем другого человека: дерзкого наемника, ввязавшегося в драку на кирпичных складах, или мутного переговорщика северного синдиката «Стальные Псы», сбежавшего из подпольной ямы. Чистый, благополучный столичный школяр из Магической академии с безупречными королевскими бумагами никак не вязался с разыскиваемым беглецом.

— Студент, значит, — буркнул писарь, занося имя в толстую книгу учета. — Огненным шаром балуешься или лекарь?

— Бытовая и походная магия, — спокойно ответил Макс. — В дороге больше для охраны обоза да от зверья.

— В черте города без нужды искры не метать, — вмешался подошедший сотник, возвращая пергамент. — У нас тут порядок строгий, граф Морис де Вале за самовольное колдовство на улицах быстро руки укорачивает. Проезжай.

— Благодарю, господин сотник.

Макс убрал документы за пазуху и тронул гнедого вслед за головным фургоном. За спиной с глухим скрипом проворачивались обитые железом створы ворот, а впереди открывался знакомый, шумный, пропахший дымом, рыбой и жаркой пылью нижний город Окхейма.

Караван разместился на большом постоялом дворе «Сытый Битюг» недалеко от Торговой площади — единственном месте в этой части города, где хватало места для двенадцати фургонов, конюшни на три десятка голов и прочных каменных амбаров под охраной. Пока наемники распрягали коней, а гномы во главе с Двалином выставляли посты у своих повозок, к Максу подошли Бальтазар, Олаф и одноглазый десятник Кромвель.

— Ну что, Максимилиан, уговор дороже денег, — степенно произнес Бальтазар, развязывая кошель и отсчитывая оговоренную плату полновесным серебром и парой золотых сверху.

— Довели караван до Окхейма без единой царапины. Вот твое жалованье и премия от нас с Олафом за зоркий глаз на стоянках.

— Честно отработал, парень, — хрипло добавил Кромвель, крепко пожимая Максу руку. — Жаль, что ты с нами дальше до гор не идешь, такие бойцы в дороге на вес золота. Ежели передумаешь через неделю — мы тут грузиться зерном и солониной будем, заходи, место в строю придержу. Только в портовые трущобы и на Нижний рынок ночью без нужды не суйся — тамошние крысы столичных щиплют на раз, даже твой студенческий значок не поможет.

— Спасибо на добром слове, десятник, — кивнул Макс, убирая монеты. — Удачи вам на горных перевалах, мастера.

Расплатившись за постой своего гнедого жеребца в лучшем стойле и сняв на пару дней отдельную комнату в угловом флигеле постоялого двора, Макс поднялся к себе, запер дверь на засов и сбросил запыленный колет. Контракт был закрыт — теперь он был сам себе хозяин. Умывшись прохладной водой из глиняного кувшина, он переоделся в простую, ничем не примечательнуютемную куртку из тонкой кожи, спрятал под нее кобуру с гномьим магическим пистолетом, сунул за голенище пару метательных ножей и вышел через заднюю калитку конного двора в сгущающиеся летние сумерки.

Вечерний Окхейм гудел, как растревоженный улей. После дневного зноя народ высыпал на улицы: у лавок зажигали масляные фонари, из распахнутых дверей трактиров тянуло жареным луком, кислым пивом и пьяным хохотом, а над всем этим мельтешением в глубоком синем небе черной, тяжелой громадой темнел шпиль главного храма Культа Зигурда Могучего.

Макс шел не торопливо, держась в тени навесов и привычно сканируя переулки периферийным зрением. Ноги сами несли его по знакомым из памяти Гриуса кривым улочкам к восточной окраине посада — туда, где у самой городской стены жались друг к другу покосившиеся деревянные лачуги бедноты Нижнего Квартала.

Через двадцать минут он свернул в узкий, заросший лебедой тупик. В воздухе пахло сыростью, застарелой гарью и помоями из сточной канавы. В самом конце тупика стоял знакомый до последней трещины в ставнях домишко — сколоченная из почерневших досок хибара с просевшей крышей, куда перебралась семья Гриуса после того, как городские купцы обобрали вдову, а отчий дом ушел за гроши.

Макс остановился в глубокой тени соседнего сарая, прислонившись плечом к шершавому бревну, и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Скрипнула рассохшаяся дверь лачуги, и на крыльцо с пустым деревянным ведром в руках вышла женщина лет сорока — Мария. Худая, с преждевременно поседевшими прядями, выбившимися из-под дешевого платка, в застиранном до серости платье — но в ее усталом лице и мягком разрезе глаз мгновенно угадывались черты самого Гриуса. Мать.

Она с опаской оглядела пустой тупик, словно боялась столкнуться с кем-то из соседей или нарваться на возвращающегося мужа, и пошла в сторону уличного колодца. Ни детей, ни голосов изнутри хибары не доносилось. Старшие сестры — Эльза, что была старше Гриуса на четыре года, и Лина, старше на два, — по возрасту наверняка уже вышли замуж и съехали, а вот почему рядом с матерью не было видно младшего брата Тома, который был моложе Гриуса на три года, еще предстояло выяснить. Гриус ушел прислужником в храм в десять лет и восемь лет почти ничего не знал о том, что творилось в его бывшем доме.

У Макса внутри не дрогнул ни один мускул, но взгляд стал холодным и тяжелым, как свинец.

— *Трогательная картина,*— негромко заметил Люциус. — *Нищета, страх и тишина. И как ты собираешься провернуть это так, чтобы все барахло этого упыря отошло вдове? Если просто свернешь ему шею в подворотне, у него наверняка найдется какая-нибудь родня, которая мигом прибежит делить наследство и вышвырнет твою бывшую мамашу на улицу.*

— Верно мыслишь, Док, — мысленно согласился Макс. — Простая мокруха здесь не годится. Нужно сначала выяснить в соседнем кабаке, что за этим отчимом числится — есть ли у него свой угол, лавка или родня, и куда делись младший брат с сестрами. Если сестры живут бедно замужем за простыми ремесленниками, я и им по двадцать пять золотых передам — на ноги встанут.

Словно в ответ на его мысли, со стороны улицы донесся тяжелый, шаркающий шаг и пьяное, сиплое бормотание. В тупик, пошатываясь и опираясь рукой о заборы, ввалился коренастый, грузный мужик лет сорока пяти с одутловатым, красным от дешевого пойла лицом, редкой сальной бороденкой и тяжелыми, как кувалды, кулаками. На нем был добротный суконный кафтан — куда новее и богаче, чем жалкие лохмотья на вернувшейся с полным ведром Мария.

Подойдя к покосившемуся крыльцу, мужик с размаху пнул дверь сапогом так, что зазвенела щеколда, и рявкнул на весь тупик:

— Открывай, корова! Жрать давай, я весь день на складах горбатился, а у нее небось опять пусто!

Женщина торопливо поставила ведро, отперла засов, и мужик, грубо отпихнув ее в сторону, ввалился внутрь. Из хибары тут же донесся глухой звук удара и приглушенный женский вскрик.

Макс медленно выдохнул через нос, сунув руки в карманы куртки.

— *Вот теперь даже я не стану тебя отговаривать, солдат,*— холодно процедил Люциус. — *Терпеть не могу дешевых скотов, которые самоутверждаются на слабых. Когда и как будем разбирать этого борова?*

— Сегодня ночью он уже ни на кого руку не поднимет, — тихо ответил Макс, разворачиваясь к выходу из тупика. — Сначала зайду в трактир на углу — узнаю все про этого ублюдка и про судьбу младшего брата с сестрами. А заодно поспрашиваю, где нынче ошиваются те самые отморозки, что загнали Гриуса в храмовый коллектор. Время пошло.

Трактир «Кривой Якорь» располагался в двух кварталах от окраинного тупика, прямо на границе ремесленного посада и трущоб у городской стены. Место было под стать округе: низкие, закопченные до черноты потолки, кривые столы, изрезанные ножами завсегдатаев, кислый дух дешевого эля, жареной требухи и немытых тел. Зато именно в таких кабаках, где люди пьют не ради веселья, а чтобы залить тоску или похвастаться перед собутыльниками, язык развязывается быстрее всего.

Макс прошел в самый дальний угол зала, сел спиной к стене, надвинув шляпу чуть ниже на глаза, и подозвал толстого, заспанного трактирщика в засаленном фартуке.

— Кувшин лучшего темного, что у тебя есть, и миску тушеного мяса, — негромко сказал Макс, положив на липкую столешницу полновесную серебряную монету. — Себе налей и сдачу оставь, коли подскажешь кое-что по соседям.

Трактирщик, увидев серебро, мгновенно проснулся, сгреб монету в ладонь и через пару минут лично принес глиняный кувшин, две кружки и горячую миску с мясом.

— Чего интересует, добрый господин? — сипло осведомился он, усаживаясь на край скамьи и наливая себе. — В наших краях столичные гости редкость.

— Ищу одного человека, — ровно ответил Макс, отпивая из кружки. — Хартом зовут. Коренастый такой мужик лет сорока пяти, морда красная, прихрамывает слегка на левую, когда переберет. Раньше вроде как на складах приказчиком крутился, на вдове купеческой женился лет восемь назад. Знаешь такого?

Трактирщик скривился, словно раскусил кислую ягоду, и сплюнул на опилки под столом.

— А чего ж не знать этого упыря, господин хороший. Харт — постоянный мой клиент, каждый вечер тут сидит, пока последнюю медяшку не пропьет, а потом идет домой кулаки о жену чесать. Вон его угол у печки, сейчас, небось, дрыхнет в своей лачуге после вчерашнего.

— И как живет? — как бы между делом уточнил Макс, подкладывая трактирщику еще одну серебрушку. — Слышал я, семья у вдовы большая была. Дети-то при нем?

Трактирщик опрокинул кружку, вытер губы рукавом и понизил голос, покосившись на соседние столы.

— Нету там больше детей, господин. Старших девок, Эльзу с Линой, он, скотина, еще в девках попортил — пока баба на поденщине спину гнула, этот кобель обеих пасынок силой брал, угрожая, что мать со свету сживет, коли пикнут. Девчонки, как только подросли, за первых встречных ремесленников замуж выскочили — одна в речной слободе живет, другая к кузнецу в соседний квартал ушла, в отчий дом и носа не кажут. Средний пацан, Гриус который, в храм сбежал, да сгинул там года полтора назад. А меньшой, Том… — трактирщик тяжело вздохнул и покачал головой. — Меньшого Харт прошлой осенью по пьяни так приложил головой об угол печи, что пацан через три дня преставился. Страже сказал, будто мальчишка сам с чердака свалился, сунул десятнику пару серебряных — дело и замяли. Теперь Мария, бедолага, одна с этим зверем осталась. Не жизнь у бабы, а каторга.

У Макса внутри не дрогнул ни один мускул, только пальцы на рукояти глиняной кружки сжались так, что обжиг тихо хрустнул под подушечками. В голове на мгновение повисла ледяная тишина.

— *Ну что, солдат,*— тихо, без привычной насмешки произнес в сознании Люциус. — *Даже по меркам Бездны это слишком грязная падаль. Никакой жалости. Сделай это красиво.*

— *Сделаю,*— коротко отрезал Макс и снова повернулся к трактирщику. — А что за этим Хартом числится? Лачуга-то на ком? И родня у него в Окхейме есть?

— Родни ни души, из пришлых он, — охотно пояснил хозяин кабака. — А дом и двор после свадьбы он на себя переписал, хитер, сволочь, хоть и пьянь. Да еще лавчонку старую у Сенного рынка прибрал к рукам, что от первого мужа Марии оставалась — сдает ее зеленщику, а выручку пропивает. Коли сдохнет он от перепоя или в канаве свалится — все по городскому уложению законной жене отойдет, Марии то есть, больше некому.

— Понятно, — кивнул Макс, поднимаясь из-за стола. — И последний вопрос, хозяин. Помнишь, года полтора назад парень из храма в алтарь полез, застрелили его там? Говорили, шайка одна местная его туда силой загнала. Не подскажешь, кто у нас тут из молодых да борзых любит чужими руками жар загребать?

Трактирщик настороженно зыркнул по сторонам и шепнул:

— В «Ржавом Гвозде» у скотобоен вечерами сидит шпана — Косой да трое его подельников. Они под «Ночными Крысами» ходят, мелкую работу делают, народ запугивают. Только ты, господин, поосторожнее с ними: за ними люди Шрама стоят, а тех сам граф прикрывает.

— Благодарю за науку, — усмехнулся Макс, оставляя на столе еще одну монету. — Забудь, что мы разговаривали.

— Могила, господин хороший!

Выйдя из кабака, Макс не пошел в «Ржавый Гвоздь» сразу — сначала нужно было закрыть семейный счет. К тому же расправа над Хартом требовала ювелирной чистоты: никакой крови в доме, никаких следов насилия, чтобы городской лекарь и стража записали смерть как естественную, а вдова без единой придирки вступила в права на дом и рыночную лавку.

Ночь уже плотно накрыла Окхейм, лишь редкие фонари на перекрестках разгоняли душную июньскую темноту. Макс вернулся в знакомый тупик у стены, бесшумно, как тень, обошел покосившуюся лачугу и заглянул в щель неплотно прикрытой ставни.

В тусклом свете огарка Харт сидел за столом, тупо уставившись в пустую кружку, и тяжело сопел. На лавке у противоположной стены, сжавшись в комок и натянув до подбородка старое одеяло, лежала Мария — женщина боялась даже пошевелиться, чтобы не вызвать новый приступ пьяной ярости.

Макс выждал еще полчаса, пока огарок не догорел, а из избы не донесся тяжелый, прерывистый храп упившегося борова. Тогда он аккуратно поддел тонким лезвием ножа деревянную щеколду через щель в двери, бесшумно скользнул внутрь и прикрыл за собой створку.

В нос ударил густой запах перегара, немытого тела и бедности. Харт спал прямо за столом, уронив тяжелую голову на скрещенные руки. Мария тихо спала у стены, отвернувшись к бревнам.

— *Точечный удар сгустком огня прямо в сердце или в ствол мозга?*— вполголоса предложил Люциус. — *Ни единого внешнего следа. Для любого местного коновала — обычный удар от пьянства и жары.*

— *В сердце,*— мысленно ответил Макс. — *И сжечь насквозь только внутренний сосуд, чтобы кожа осталась чистой.*

Он шагнул вплотную к спящему отчиму, приложил кончики пальцев правой руки к его спине на уровне левой лопатки и пустил по каналу тонкий, концентрированный импульс магии огня — ровно такой силы, какой учили на втором курсе Академии для точечного прижигания.

Харт даже не проснулся. Тело его лишь коротко дернулось, изо рта вырвался слабый, булькающий выдох, и грузный мужик затих навсегда, так и оставшись лежать головой на столе.

Макс выждал минуту, проверяя пульс на шее — тишина, ни единого удара. Затем он бесшумно вышел на крыльцо, прикрыл дверь и громко, по-хозяйски постучал в косяк.

Изнутри послышался испуганный шорох, скрипнула лавка, и через несколько секунд дверь приоткрылась на ширину ладони. На пороге стояла бледная, перепуганная Мария, кутаясь в старую шаль.

— Кто там?.. — прошептала она дрожащим голосом. — Харт спит, не будите его, ради всего святого…

— Доброй ночи, госпожа Мария, — негромко, спокойно и уважительно произнес Макс, оставаясь в полутени крыльца, чтобы женщина не могла разглядеть черты его лица. — Не пугайтесь, я не из стражи и не из должников. Я человек приезжий, из Мортенхайма. Мне поручили передать вам посылку от старых, добрых знакомых вашего покойного первого мужа.

Женщина замерла, прижав ладонь к губам. В тусклом свете луны в ее глазах блеснули слезы.

— От знакомых?.. Столько лет прошло… Все отвернулись, когда беда пришла…

— Не все, — мягко ответил Макс, доставая из-за пазухи заранее приготовленный кожаный кисет и вкладывая его в ее загрубевшие, дрожащие руки. — Здесь двадцать пять полновесных королевских золотых. Спрячьте их подальше и никому ни слова не говорите. С этих денег вы сможете и дом поправить, и дочерям помочь, и зажить наконец по-человечески.

Мария на ощупь почувствовала тяжесть монет, ахнула и едва не выронила кисет.

— Двадцать пять золотых?! Господи… да я таких денег с тех пор, как муж погиб, в руках не держала! Но… Харт… если он узнает, он же все отберет и пропьет, а меня убьет…

— Не узнает, — ровно сказал Макс, кивнув в сторону темной избы. — Вы бы проверили мужа, госпожа Мария. Мне показалось, пока я ждал у окна, что он слишком тяжело хрипел во сне. Сердце в такую жару у пьющих людей часто не выдерживает.

Женщина вскинула на него испуганный, непонимающий взгляд, обернулась в темноту комнаты и тихо позвала:

— Харт?..

Ответа не было. Мария шагнула к столу, тронула мужа за плечо — и грузное тело с глухим стуком завалилось набок со скамьи. Вскрикнув, женщина попятилась к двери, глядя то на неподвижного тирана, то на пустой порог крыльца.

Но на крыльце уже никого не было. Ночной ветер лишь качнул створку калитки, унося в темноту легкие шаги человека, который только что закрыл первый счет из своего списка.

Глава 2. Знакомые места

Утро в Окхейме выдалось солнечным, но уже к третьему часу после рассвета июньский зной снова начал наливать улицы тяжелой, липкой духотой. На постоялом дворе «Сытый Битюг» с раннего утра кипела работа: купцы Бальтазар и Олаф со счетами в руках пересчитывали тюки южного сукна, подгоняя грузчиков, десятник Кромвель гонял наемников проверять упряжь, а угрюмые гномы во главе с Двалином неспешно разминали плечи у своих повозок, собираясь в местную контору подгорного банка. Гномы собирались купить десяток телег с различным продовольствием.

Макс, позавтракав в общем зале, вышел в город налегке — в простой дорожной куртке без гербов и лишнего оружия, но с привычной тяжестью гномьего магического пистолета в скрытой кобуре под мышкой и тугим кошелем на поясе. По бумагам он оставался Максимилианом Бруковски, столичным школяром на каникулах, и утренние патрули городской стражи скользили по нему равнодушными взглядами.

Первым делом следовало закрыть семейный долг до конца. Ночью он помог матери и убрал Харта, но оставались еще две старшие сестры Гриуса — Эльза и Лина. Обеим отчим успел искалечить юность, обе выскочили замуж за простых трудяг, лишь бы сбежать из проклятой лачуги, и обе наверняка перебивались с хлеба на квас.

Найти их оказалось несложно: трактирщик из «Кривого Якоря» накануне дал точные наводки.

Старшая, двадцатитрехлетняя Эльза, жила в речной слободе, где муж ее, молодой плотник с нескладной, но добродушной физиономией и вечно ободранными в кровь костяшками пальцев, ладил лодки и причальные мостки. Дворик у них был крохотный, но выметенный дочиста; на веревке сушились детские пеленки, а сама Эльза — худенькая, светловолосая, с тем же мягким разрезом глаз, что и у матери с Гриусом, но с ранними морщинками тревоги у губ — как раз выносила из сарая охапку щепок.

Макс остановился у невысокого плетня, вежливо приподнял шляпу и негромко окликнул:

— Доброго утра, хозяйка. Вы ведь госпожа Эльза, дочь Марии из восточного посада?

Женщина вздрогнула, прижав щепки к груди, и настороженно глянула на незнакомца. В ее глазах мелькнул привычный для бедняков страх перед любым хорошо одетым человеком: не принесли ли повестку, не пришли ли за старыми долгами.

— Я… А вы кто будете, господин? Если насчет работы для мужа, так он на пристани до вечера…

— Не беспокойтесь, я не от властей и не от кредиторов, — спокойно и мягко ответил Макс, не переступая порога калитки, чтобы не пугать женщину. — Меня зовут Максимилиан. Я приехал из Мортенхайма по поручению старых, верных друзей вашего покойного отца-купца. Они наконец разыскали вашу семью и велели передать помощь каждой из вас.

Эльза замерла, не веря своим ушам. На крыльцо из темных сеней вышел ее муж — высокий, сутулый парень с рубанком в руке, вставший чуть позади жены, готовый в случае чего заступиться.

Макс достал из-за пазухи заранее отложенный кожаный мешочек с двадцатью пятью королевскими золотыми и протянул через плетень.

— Здесь двадцать пять полновесных золотых. Это лично вам и вашей семье — чтобы вы могли купить свой угол, расширить мастерскую мужа и забыть о нужде. И еще одна весть, госпожа Эльза: этой ночью ваш отчим Харт скончался от удара. Мать ваша в порядке, дом и

рыночная лавка теперь целиком за ней. Можете навестить ее, больше в том доме вас никто и никогда не обидит.

Когда тяжелый мешочек лег в ладонь Эльзы и сквозь мягкую кожу звякнуло настоящее золото, женщина побледнела, а по щекам ее покатились крупные, беззвучные слезы. Муж ее, заглянув в развязанный край кисета, только ахнул и попятился на шаг, словно увидел чудо. Не дожидаясь расспросов и благодарностей, Макс коротко кивнул на прощание и ушел вниз по улочке.

Через сорок минут точно такой же кожаный кисет с двадцатью пятью золотыми лег в руки средней сестры — двадцатиоднолетней Лины, которая жила в ремесленном квартале при небольшой кузнице мужа. Узнав о том, что Харт мертв, а у них с мужем теперь есть капитал, способный выкупить собственную кузню и дом, Лина едва не лишилась чувств. Макс же со спокойной совестью поставил в мыслях жирную галочку: семья Гриуса была спасена, обеспечена и защищена, а сам он остался для них лишь добрым незнакомцем из прошлого отца.

— *Благородно, солдат, ничего не скажешь,* — лениво протянул в сознании Люциус, когда Макс свернул в сторону мясных рядов и скотобоен. — *Семьдесят пять золотых раздал с барского плеча и даже имени своего не оставил. А теперь, я так понимаю, мы идем собирать долги по другой ведомости?*

— Именно, Док, — мысленно ответил Макс. — Пора навестить тех ублюдков, которые в прошлом году забили пацана до полусмерти и силой погнали его в храмовый коллектор под арбалетные болты.

Кабак «Ржавый Гвоздь» в дневную жару был почти пуст. В полутемном, прокуренном зале, где пахло прокисшим пивом, свежей кровью со скотобоен и дешевым табаком, за дальним столом у окна развалились четверо.

Макс с первого взгляда оценил контингент: типичная городская шпана лет по двадцать пять — тридцать, наглая, привыкшая брать силой и числом тех, кто слабее. За старшего у них сидел худой, жилистый тип с кривым, косящим левым глазом и наглым ухмыляющимся ртом — тот самый Косой, о котором говорил трактирщик. Рядом с ним лениво ковыряли ножами вяленую свинину двое мордатых вышибал и еще один вертлявый паренек с крысиной физиономией и кинжалом на поясе.

Никакого отношения к серьезным делам «Ночных Крыс» эта шайка не имела — для уровня того же Мастера Клыка или Шрама воровство пары серебряных подсвечников в храме руками запуганного прислужника было слишком мелкой, грязной возней. Косой со своей сворой сам придумал ту комбинацию в прошлом году: подловили безответного монастырского паренька на рынке, избили до кровавых соплей, пригрозили прирезать и затолкали в сточную трубу, решив чужими руками сорвать легкий куш. Не выгорело — мальчишку подстрелила храмовая стража, а эти четверо просто отряхнулись, пошли в кабак и забыли о нем на следующий же день.

Но Макс не забыл.

Он прошел через зал ровным, неторопливым шагом, остановился в трех шагах от их стола и спокойно посмотрел на Косого.

— Здорово, падаль, — негромко произнес Макс. — Посидим, потолкуем.

Четверо бандитов разом перестали жевать. Косой медленно поднял на него мутный взгляд, окинул взглядом чистую куртку столичного образца, молодое лицо без шрамов и криво ухмыльнулся, обнажив желтые зубы.

— Ты кто такой, щенок? Дверью ошибся? Вали отсюда, пока уши не оторвали и кошель не вытряхнули.

— В прошлом году вы на пару с этими тремя выродками поймали у рынка храмового прислужника Гриуса, — так же спокойно, без повышения голоса продолжил Макс. — Избили

его и силой загнали через канализацию в алтарь за серебряными подсвечниками. Парня там пристрелили. Я пришел закрыть за него счет.

В зале повисла мертвая тишина. За стойкой испуганно втянул голову в плечи трактирщик, а четверо бандитов переглянулись. На лице Косого удивление быстро сменилось злобной, звериной усмешкой — он решил, что перед ним какой-то чокнутый родственник или дружок покойного прислужника, сунувшийся в одиночку против четверых бывалых головорезов.

— Ах ты сучонок… — прошипел Косой, кивая подельникам. — Режь его, парни, и в сточную канаву к скотобойне!

Один из мордатых вышибал с рычанием рванулся из-за стола, выхватывая из-за пояса тяжелый мясницкий тесак. Вертлявый паренек слева метнулся вбок, пытаясь зайти за спину и достать кинжал.

Для обычного человека четверо вооруженных бандитов в тесном зале стали бы смертным приговором. Для ветерана ГРУ, усиленного магической подготовкой и «Сверхскоростью», они двигались словно в густом киселе.

Макс шагнул навстречу первому вышибале, ушел на полкорпуса от размашистого удара тесака, коротким, жестким ударом ребром ладони вбил ему кадык внутрь и тут же, перехватив его собственную руку с тесаком, развернул клинок и вогнал второму громиле прямо под нижнее ребро, в сердце.

Все заняло меньше двух секунд. Первый бандит рухнул на пол, хрипя и задыхаясь, второй осел на скамью с остекленевшими глазами.

Вертлявый паренек с кинжалом вскрикнул от ужаса и попытался отпрыгнуть к двери, но сверкнувший в руке Макса метательный нож вошел ему точно в основание шеи, оборвав крик на полуслове.

Косой, не успевший даже вытащить свой меч из ножен, вжался спиной в стену у окна, таращась на три трупа вокруг стола. Лицо его побелело как мел, челюсть затряслась.

— Т-ты… кто ты такой?! — прохрипел он, вскидывая дрожащие руки. — Мы… мы под «Ночными Крысами» ходим! Нас Клык знает, Шрам за нас спросит!..

— Не ври, крыса, — холодно оборвал его Макс, подходя вплотную и приставляя к горлу бандита отобраный тесак. — Мастеру Клыку на такую мелкую шваль, как вы, плевать с высокой башни. Вы сами ту подставу придумали, сами пацана в трубу загнали, сами и ответите.

— Пощади… золото отдам… все отдам!.. — заскулил Косой, чувствуя, как острие уже режет кожу на кадыке.

— Мне твое грязное серебро не нужно, — тихо сказал Макс.

Короткое, отработанное до автоматизма движение кисти — и все было кончено.

Макс вытер клинок о скатерть, бросил его на стол и повернулся к замершему за стойкой трактирщику.

— Уберешь падаль к вечеру и скажешь страже, что перепились и перерезали друг друга из-за добычи. Будешь держать язык за зубами — останешься жив и при кабаке. Понял?

Трактирщик судорожно закивал, не сводя перепуганных глаз с невозмутимого молодого человека, который за три удара сердца уложил четверых отморозков и даже не запыхался.

Выйдя из «Ржавого Гвоздя» на залитую солнцем улицу, Макс спокойно сунул руки в карманы. Все счета старого Гриуса — кроме разве что жадного Настоятеля, которого трогать в главном храме графа сейчас было бы верхом глупости — были закрыты чисто и без следов. Теперь в Окхейме оставалось одно незавершенное дело, от которого зависело его дальнейшее продвижение на север и восточный фронт: нужно было навестить леди Бланш дю Буа.

К полудню второго дня в Окхейме список старых счетов Гриуса был закрыт почти подчистую.

Ночью Макс тихо проник в покосившуюся лачугу на окраине и концентрированным импульсом огненной магии в сердце без единого внешнего следа отправил на тот свет отчима

Харта, инсценировав обычный удар от пьянства и жары — так, чтобы и сам дом, и третья отцовская лавчонка у Сенного рынка по городскому закону безоговорочно перешли вдове Марте. Ей же он, не открывая своего настоящего имени, вручил кошель с двадцатью пятью золотыми от «старых друзей покойного мужа». Утром обошел обеих старших сестер — Эльзу и Лину, передав каждой по столько же золота и весть о смерти тирана.

Затем заглянул на Торговую площадь к двум зажравшимся лавочникам, которые десять лет назад, пользуясь беспомощностью вдовы, за бесценок отжали две лучшие лавки покойного отца якобы за долги по разграбленному каравану. Хватило одного короткого, ледяного разговора за закрытыми дверями конторы, демонстрации гномьего магического пистолета у переносицы старшего компаньона и пары красноречивых доводов о том, как легко в летнюю жару вспыхивают деревянные склады, чтобы оба купца задрожали, как осиновые листья, и за полчаса у городского писца оформили дарственные на возврат обеих лавок законной наследнице — госпоже Марте. Напоследок Макс вычистил в «Ржавом Гвозде» четверку отморозков Косого, загнавших когда-то Гриуса в храмовый коллектор.

Семья паренька была спасена, обеспечена недвижимостью и деньгами, а все его прямые обидчики — кроме разве что жадного Настоятеля главного храма, до которого еще дойдет очередь, — лежали в сырой земле.

Теперь наступало время для дел куда более приятных, но не менее важных.

После обеда, когда летний зной начал понемногу спадать, Макс вернулся в «Сытый Битюг», привел себя в порядок, сменил простую темную куртку на дорогой, сшитый по столичной моде камзол из тонкого синего сукна и неторопливым шагом направился в Верхний квартал Окхейма.

Здесь город выглядел совсем иначе, чем у пропахших рыбой и навозом речных причалов или в нищих тупиках у стены. Широкие улицы были вымощены ровным светлым камнем и чисто подметены, вдоль тротуаров в тени раскидистых кленов стояли добротные двух- и трехэтажные особняки богатых купцов, цеховых старшин и местных дворян, а на каждом перекрестке дежурили подтянутые стражники в начищенных кирасах.

Особняк леди Бланш дю Буа — окруженный высокой кованой оградой и ухоженным розовым садом — стоял в самой тихой и престижной части квартала. Роскошная тридцатипятилетняя вдова, владевшая суконной мануфактурой и двумя крестьянскими деревнями, была одним из главных налогоплательщиков графства, а потому даже жадный до чужого добра граф Морис де Вале предпочитал не лезть в ее дела.

Привратник у кованых ворот, узнав старого знакомого госпожи, лишь округлил глаза, расплылся в понимающей ухмылке и без лишних вопросов пропустил Макса во двор, тут же послав служанку доложить хозяйке.

В прохладной, полутемной гостиной, куда Макса проводила горничная, пахло дорогими южными благовониями и свежими розами. Но насладиться тишиной ему не дали и минуты. Тяжелые дубовые двери распахнулись, и в комнату буквально влетела сама хозяйка.

Леди Бланш дю Буа была все так же ослепительна и опасна для мужского рассудка: высокая, статная, с пышной высокой грудью, туго стянутой шелковым корсажем глубокого винного цвета, тонкой талией и соблазнительным изгибом бедер. Ее густые темные локоны рассыпались по обнаженным плечам, а в больших карих глазах вспыхнула такая смесь ярости, облегчения и жгучего голода, что у любого другого мужчины подкосились бы ноги.

— Мерзавец! Бессовестный, лживый мальчишка! — выдохнула она, захлопывая за собой дверь и щелкая замком. — «Уехал на другой конец королевства за дядюшкиным наследством»?! Да я через неделю поняла, что ты меня вокруг пальца обвел, негодяй! Сбежал, даже не попрощавшись, еще и пятьдесят золотых прихватил!

Она стремительно подошла вплотную и с размаху шлепнула его ладонью по груди — но вместо того чтобы оттолкнуть, тут же вцепилась пальцами в ворот его камзола и притянула к себе.

— Здравствуй, Бланш, — с легкой, теплой усмешкой произнес Макс, обнимая ее за тонкую талию и чувствуя, как горячо пышет жаром ее тело. — Я же обещал, что вернусь, как только улажу дела. И долги я всегда отдаю с процентами.

Он достал из внутреннего кармана тяжелый кожаный кошель и с тихим звоном положил его на резной столик рядом.

— Здесь шестьдесят золотых. Пятьдесят — твой долг, и десять сверху за ожидание.

Бланш даже не взглянула на золото.

— Плевать мне на твои монеты, Макс, — хрипло прошептала она, прижимаясь всем телом и впиваясь в его губы жадным, обжигающим поцелуем. — Я почти год на стену лезла без тебя… Пойдем наверх. Немедленно.

Разговоры пришлось отложить на пару часов. В просторной спальне на втором этаже, за задернутыми тяжелыми портьерами, отсекавшими полуденный зной, леди Бланш дю Буа сполна наверстала упущенное за время разлуки. Ненасытная, страстная женщина буквально сгорала в его руках, стонала, выгибалась и требовала его снова и снова, с наслаждением принимая всю его неутомимую мужскую силу. Макс не скупился: за время учебы в Академии и магических тренировок его выносливость выросла многократно, так что изнуряющий марафон, от которого раньше он едва уносил ноги, теперь приносил обоим чистое, головокружительное удовольствие.

Только ближе к вечеру, когда оба, обессиленные и покрытые тонкой испариной, лежали на сбитых шелковых простынях, леди Бланш положила голову ему на плечо, лениво водя пальчиком по его груди, и тихо вздохнула.

— И все-таки ты дьявол, Макс. Откуда у тебя столько силы взялось? И деньги… Я же вижу, ты вернулся совсем другим. Куда ты пропадал на самом деле?

— Учился в столичной Магической академии, — спокойно ответил он, поглаживая ее обнаженное шелковистое бедро. — Заработал немного, встал на ноги. А в Окхейм заглянул по старым делам — закрыл кое-какие долги и вот к тебе зашел. Надолго я здесь не задержусь, завтра-послезавтра двинусь дальше на восток, в Валлантию, а потом обратно в Мортенхайм.

Бланш нахмурилась, приподнялась на локте и внимательно посмотрела ему в глаза.

— Вот и правильно, что не задержишься, милый. В Окхейме сейчас пахнет большой бедой, и оставаться тут лишний день опасно.

Макс чуть прищурился, мгновенно переходя в режим сбора разведданных.

— Что происходит в графстве, Бланш? Граф Морис де Вале опять чудит?

— Если бы только чудил, — негромко, с тревогой проговорила вдова, покосившись на закрытую дверь спальни. — Последние два месяца граф словно с цепи сорвался. Он почти не вылезает из своего загородного замка, но через своего пса, лорда Ральфа де Мартела, выжимает из города все соки. Налоги подняли вдвое, стража трясет каждый обоз, а по ночам в нижнем городе хозяйничают бандиты этого хромого борова Клыка и его хозяина Шрама — и стража даже носа туда не кажет.

— Обычные дела для де Вале, — заметил Макс. — На что ему столько золота? Храмы Зигурда строит?

— Не только, — покачала головой Бланш. — У меня в торговой гильдии и среди поставщиков сукна есть свои уши. Граф тайно скупает в огромных количествах оружие, броню, походное снаряжение и сухари. Все это свозят не в городские арсеналы, а в его родовой замок и в лесные усадьбы его верных баронов. Более того — две недели назад в Окхейм инкогнито приезжали посланцы от герцога фон Вестена. Они всю ночь совещались с де Вале и главным

жрецом Культа Зигурда. Похоже, в королевстве готовится большой мятеж против короля Вальдхарда, и граф собирает частную армию.

Макс мысленно присвистнул. Сведения леди Бланш идеально ложились в общую картину заговора герцога фон Вестена и коалиции Культа Зигурда, о которой он знал еще в Мортенхайме.

— А что с бароном Оливером де Роганом? — как бы между делом спросил Макс. — Главным судьей графства, которого прислал сюда король?

— Старый судья обложился охраной в своем особняке и держит всю свою семью там, и лишний раз носа на улицу не кажет, — усмехнулась Бланш. — После того как год назад кто-то дерзкий выкрал его младшего сына Эдмунда прямо из-под носа у графских головорезов, де Вале места себе не находит. Мартел до сих пор перетряхивает всех приезжих, ищет того парня, который сорвал им давление на королевский суд и передел земель вдоль гномьего тракта. А самого Эдмунда отец от греха подальше отправил под усиленной охраной обратно в Мортенхайм, ко двору короля.— *Слышишь, солдат?*— довольно хмыкнул в голове Люциус. — *Граф готовит мятеж, скупает железо, а его ищейки до сих пор зубами скрипят от злости при упоминании о тебе. Хорошо, что мы здесь не задерживаемся — скоро в этом графстве станет слишком жарко даже для огненного мага.*

— И еще одно, Макс, — тихо добавила Бланш, снова прижимаясь к нему и глядя снизу вверх с искренним беспокойством. — В городе полно наемников и степных лазутчиков. Поговаривают, что на юго-восточной границе, в диких степях, зашевелились орки — давно не было таких крупных сборищ у кочевых племен. Если де Вале поднимет бунт внутри страны как раз тогда, когда орки ударят с юго-востока, королевству придется туго. Так что забери свои дела в Валлантии и возвращайся в столицу, там за стенами Мортенхайма все же спокойнее.

Макс мягко поцеловал ее в губы, мысленно прокручивая полученную разведку. Информация от Бланш оказалась бесценной: мятеж де Вале и герцога фон Вестена уже перешел в стадию тайного вооружения, а на юго-восточном фронте действительно поднималась большая орда орков. Об этом обязательно нужно будет передать весточку в Тайную канцелярию короля — но сначала следовало закончить дела в Валлантии, навестить Петю с Катей и спокойно уйти из Оккейма, не попавшись на глаза ищейкам Мартела и «Ночным Крысам».

— Поужинаем, красавица? — улыбнулся Макс, притягивая ее к себе. — А утром мне пора в дорогу. Но обещаю: в этот раз прощаться по-английски не стану.

Ужин подали прямо в малую столовую при спальне — леди Бланш не желала тратить ни одной лишней минуты на светские условности и отпустила прислугу сразу, как только на стол легли блюда с запеченной под пряными травами дичью, свежими южными фруктами и кувшин выдержанного рубинового вина.

После сытной еды и пары бокалов терпкого напитка в прохладной полутьме спальни снова повисло густое, наэлектризованное напряжение. Бланш сидела на краю широкой кровати в распахнутом полупрозрачном шелковом пеньюаре, лениво потягивая вино и глядя на Макса таким голодным, обволакивающим взглядом, от которого у любого обычного мужчины тут же закипела бы кровь.

— *Ну что, солдат,*— вкрадчиво заурчал в глубине сознания бархатный голос Люциуса, в котором отчетливо прорезалось предвкушение. — *Ты свое слово сказал, физику отработал на совесть, разведку снял. А теперь, будь добр, уступи штурвал старому мастеру тонких материй. Помнишь наш уговор? Я сто лет не чувствовал живой, горячей женской плоти во всей ее полноте, а эта роскошная дама так и просит, чтобы ее довели до самой вершины блаженства.*

— *Только без фокусов и без вреда для нее, Док,*— мысленно предупредил Макс, ощущая привычный легкий холодок в висках, когда сознание отступает на второй план, уступая управ-

ление пятисотлетнему архимагу. — *Она мне нужна живой, здоровой и в трезвом уме. Работай ювелирно.*

— *Обижаешь, смертный! Для бывшего владыки империи это вопрос профессиональной чести!*

В следующее мгновение взгляд Макса неуловимо изменился. Исчезла привычная сдержанная настороженность бывшего разведчика — в темных глазах вспыхнул древний, томный, завораживающий огонь, а на губах появилась ленивая, хищно-нежная усмешка существа, знающего о женской природе абсолютно все.

Бланш замерла с бокалом в руке, мгновенно уловив эту перемену. По ее обнаженным плечам пробежала сладкая дрожь.

— Макс?.. — выдохнула она с придыханием, глядя, как он плавным, кошачьим шагом приближается к кровати. — Что с твоими глазами? Ты сейчас словно… другой.

— Просто сегодня ночь принадлежит только тебе, моя королева, — низким, бархатным голосом, от которого у женщины перехватило дыхание, произнес Люциус, забирая из ее пальцев бокал и ставя его на столик.

Он опустился рядом, мягко, но властно уложил Бланш на шелковые подушки и накрыл ее губы долгим, тягучим поцелуем. Но дело было не только в прикосновениях. Люциус пустил в ход то, на что у самого Макса пока не хватало ни тонкости плетения, ни векового опыта: едва уловимыми, ювелирно дозированными потоками магической эссенции он коснулся нервных узлов на ее шее, запястьях и висках, одновременно направляя мягкий, пульсирующий импульс тепла прямо в центры наслаждения в ее голове и внизу живота.

Эффект превзошел все ожидания. Бланш вскрикнула — не от боли, а от внезапной, накрывшей ее с головой волны жара, от которой каждое прикосновение его ладоней к ее груди, талии и бедрам отзывалось в теле стократным эхом. Шелк пеньюара соскользнул на пол. Под его пальцами кожа женщины пылала, она выгибалась навстречу каждому движению, судорожно вцепившись ногтями в его плечи и задыхаясь от нахлынувших чувств. Губы наслаждений буквально всасывали его орудия, то втягиваясь, то выпячиваясь — плотно и жадно поглощая возрастающие возбуждение.

— О боги… Макс… что ты делаешь… — сбивчиво шептала она, когда он вошел в нее глубоко и властно, задавая ровный, гипнотический ритм и одновременно усиливая каждую волну наслаждения тончайшим магическим резонансом. — Я… я сгораю… не останавливайся, прошу тебя, не смей останавливаться!..

В этой спальне рухнули все ее привычные маски богатой, гордой и расчетливой хозяйки фабрик. Леди Бланш дю Буа полностью потеряла голову: она металась на смятых простынях, стонала, целовала его шею, плечи и губы, снова и снова захлебываясь в оглушительных, вымотывающих душу пиках страсти, которые накатывали один за другим без передышки. Люциус вел ее по этой грани с виртуозностью великого музыканта — то замедляя темп до мучительно сладкого томления, то обрушивая на нее новую лавину тепла и силы, доводя женщину до полного, безоглядного любовного безумия.

Когда спустя почти час изнуряющего, неистового марафона Бланш в последний раз судорожно выгнулась под ним, протяжно вскрикнула в подушку и обессиленно обмякла, тяжело дыша и счастливо всхлипывая, архимаг еще пару минут мягко поглаживал ее влажные от испарины нежные полушария, позволяя волнам эйфории плавно утихнуть, после чего аккуратно вернул контроль владельцу тела.

Макс медленно выдохнул, чувствуя приятную, тяжелую усталость во всех мышцах и невольно усмехнувшись про себя.

— *Доволен, Док?*— мысленно спросил он, укрывая дрожащую от остаточного блаженства женщину легким шелковым покрывалом.

— *Ах, солдат…*— с неподдельным, блаженным вздохом отозвался в глубине сознания Люциус. — *Живая женщина во плоти… Сто лет бездны того не стоили! Ты ей так угодил, что теперь она ради тебя не то что половину золота — весь Окхейм к твоим ногам положит. Смотри, как засопела… сейчас и вовсе описается от счастья! Вот так и надо обращаться с прекрасным полом, учись, пока я жив.*

Макс только молча покачал головой, глядя на совершенно счастливую, безмятежно засыпающую на его плече леди Бланш, и закрыл глаза. Ночь в Окхейме выдалась на славу, а утро обещало быстрый и чистый выход на дорогу в Валлантию.

Рассвет в Верхнем квартале Окхейма начинался тихо и благостно — совсем не так, как в пропахших рыбой и дешевым перегаром трущобах у восточной стены. Первые косые лучи июньского солнца золотили черепичные крыши богатых особняков, в розовом саду под окнами лениво пересвистывались утренние пичуги, а сквозь приоткрытую створку витражного окна тянуло прохладой умытой ночной росой листвы.

Макс проснулся без единого лишнего движения — привычка, въевшаяся в подкорку за годы службы и не выветрившаяся даже в новом девятнадцатилетнем теле. Рядом на сбитых шелковых простынях, закинув обнаженную свою стройную ножку на его бедро и уткнувшись носом в плечо, сладко посапывала леди Бланш дю Буа. Даже во сне тридцатипятилетняя фабрикантша выглядела роскошно: густые темные локоны рассыпались по подушке, длинные ресницы дрожали, а на слегка припухших от долгих поцелуев губах застыла довольная, сытая улыбка женщины, которая накануне сполна получила все, о чем мечтала долгие девять месяцев разлуки.

Макс осторожно, стараясь не разбудить хозяйку, выбрался из-под легкого покрывала, прошел к умывальному столику, ополоснул лицо прохладной водой и стал неспешно одеваться. Надел свежую льняную рубаху, проверил скрытую кобуру с гномьим магическим пистолетом, затянул ремень с коротким мечом и поверх накинул дорожный колет.

— *Уже уходишь, милый?*— раздался с кровати низкий, чуть хрипловатый со сна голос.

Макс обернулся. Бланш приподнялась на локте, даже не пытаясь прикрыть налившуюся утренним жаром высокую грудь, и смотрела на него с ленивой, но жадной нежностью. Она потянулась к нему руками, обвила за шею, когда он присел на край постели, и горячо зашептала прямо в губы:

— Останься, Макс. Прошу тебя, никуда не уезжай! Зачем тебе мотаться по дорогам и рисковать головой? У меня две суконные мануфактуры, две деревни, полный дом золота, связи в гильдии. Я перепишу на тебя половину дела, будешь жить как настоящий граф, ни в чем отказа знать не будешь! Только будь рядом со мной постоянно — я без тебя за эти девять месяцев едва с ума не сошла, ни на одного мужика смотреть не могла, все отвратительны после тебя…

Макс мягко перехватил ее теплые ладони, поцеловал несколько раз и посмотрел ей прямо в глаза спокойно и серьезно.

— Послушай меня внимательно, Бланш. Осесть сейчас за прилавком или на фабрике я не могу — не для того я в этом мире выживал, чтобы запереть себя в четырех стенах, даже самых золотых. Я не бродяга и не беглый наемник. Сейчас я учусь в Мортенхайме, в Королевской Магической академии.

Бланш удивленно приподняла тонкие брови. Макс достал из внутреннего кармана колета плотный лист гербового пергамента и развернул перед ней, показывая королевскую печать, водяные знаки и подпись ректора столичной Академии на имя Максимилиана Бруковски, студента второго курса боевого факультета.

Фабрикантша пробежала глазами по строчкам, ахнула и с новым, смешанным с благоговением восхищением взглянула на своего молодого любовника. В Восточном Королевстве выпускник Королевской Магической академии автоматически получал статус личного дворя-

нина и открывал себе дорогу на самый верх государственной лестницы — перед таким человеком снимали шляпы даже родовитые бароны.

— Боевой маг Королевской академии… — выдохнула Бланш, прижимая его ладонь к своей горячей груди. — Вот почему от тебя исходит такая сила, Макс! Господи, а я-то пыталась тебя в своей спальне удержать, как простого приказчика… Прости дуру, милый. Конечно, тебе нужно учиться и идти наверх. Я буду ждать тебя столько, сколько потребуется — год, два, три, пока не закончишь Академию. И запомни: никакие другие мужчины мне не нужны и даром, даже не думай сомневаться. Просто подавай иногда весточку, что жив и здоров. А я может к тебе в гости в столицу приеду.

— Обязательно, Бланш, — Макс наклонился и крепко, по-мужски поцеловал ее. — Когда разберусь со своими делами в Валлантии и вернусь в Мортенхайм, буду писать через твое столичное представительство у Суконных рядов. А ты здесь береги себя и не держи все золото в особняке — переведи часть оборота в векселя гномьего банка, если граф де Вале и герцог фон Вестен и впрямь затеют смуту.

— Сделаю на этой же неделе, дорогой, у меня и так половина моего золота там лежит, но надо туда все отдать на хранение— твердо пообещала вдова. — Ступай, пока дневной зной не ударил.

Спустя полчаса Макс уже был на постоялом дворе «Сытый Битюг». К его приходу гнедой жеребец был вычищен, напоен и оседлан, а переметные сумы надежно увязаны у луки. Попрощавшись с десятником Кромвелем и купцами Бальтазаром и Олафом, которые уже готовили первую партию товара на рынок, Макс вскочил в седло, поправил широкополую дорожную шляпу и неторопливым шагом двинул коня к Восточным воротам — туда, откуда начинался тракт на Валлантию.

Он ушел из города ровно вовремя.

Всего через два часа после того, как гнедой жеребец скрылся за придорожным холмом, в Среднем круге Окхейма, за массивными дубовыми дверями элитного ресторана «Золотой Фазан», собрались те, чьего внимания Макс так старательно избегал.

Это дорогое заведение целиком принадлежало верхушке «Ночных Крыс» и служило им надежным теневым штабом. Здесь не пахло сыростью и грязью трущоб — в воздух плыли ароматы запеченной дичи, выдержанного столичного вина и больших денег. Боссы синдиката жили на широкую ногу, наглядно показывая каждой мелкой сошке на Нижнем рынке: докажи верность, принеси добычу — и ты выбьешься наверх, в сытую жизнь Среднего круга, вместо того чтобы сгнить в грязной яме. Слабые здесь не задерживались, но на место погибших тут же приходили новые хищники.

В глубине приватного зала, за столом из полированного красного дерева, сидели двое.

Лощеный, невысокий и сухощавый Мастер Шрам — главарь всего криминального подполья графства — лениво перебирал тонкие аристократичные пальцы. На вид ему было около сорока; он всегда был безупречно выбрит, носил сшитое по последней моде импортное сукно и тщательно следил за манерами, втайне лелея амбициозную мечту однажды выбить себе чистые бумаги и настоящий дворянский титул. Лишь глубокий рубец от уха до подбородка — след бурной молодости, который не взяла даже магия — выдавал в нем человека из крови и стали. В руке Шрама, словно живой, непрерывно порхал и поблескивал тонкий стилет: непревзойденный мастер ножевого боя во всем Окхейме никогда не расставался с любимым клинком ни при одном разговоре.

Напротив него, тяжело развалившись в широком кресле, сидел Клык Лютый — двухметровый, накачанный громила лет тридцати пяти с примесью орчьей крови, курировавший все силовые налеты и зачистки синдиката. Из-под верхней губы у него хищно выпирали желтоватые клыки, а небольшие злобные глазки налились дурной кровью. Великан любил пожить со вкусом — сытно поесть, выпить дорогого эля, поразвлечься с красивыми девками, — но своих

головорезов держал в железном кулаке. Сейчас Клык поморщился и потер ладонью туго перевязанное бедро: старая глубокая рана от кинжала, полученная год назад в схватке на кирпичных складах, до сих пор тянула и горела огнем перед переменой погоды.

— Значит, так, — тихо, с ледяной вежливостью произнес Шрам, оборачиваясь к своему начальнику силовиков. — Сегодня ночью в «Ржавом Гвозде» у скотобоен кто-то перебил всю четверку Косого. Трое уложены за два удара сердца — без крика, без драки, чисто. Самому Косому перерезали глотку его же тесаком. А утром двое купцов с Торговой площади внезапно побежали к городскому писцу и задарма переписали две старые лавки на нищую вдову по имени Мария, у которой этой же ночью от внезапного удара сдох муж-пьяница и год назад пропал её сын Гриус.

.Клык глухо рыкнул, ударив кулачищем по столешнице так, что зазвенели оловянные кружки.

— Косой — мелкая шваль, плевать на него. Но купцы… Эти два старых скупердяя за медный грош удавятся, просто так они бы лавки не отдали. Кто их так прижал?

— Наводчик с рынка говорит, заходил к ним с утра молодой парень, — Шрам медленно прошелся по комнате, поглаживая рукоять спрятанного в рукаве стилета. — Около девятнадцати лет, чистое лицо, столичный выговор, одет как школяр или наемник из приличного каравана. И что самое любопытное, Клык: этот столичный парнишка был похож на того который тебе ногу продырявил и который в прошлом году испарился из нашей тюрьмы вместе со щенком барона Рогана.

Бандиты понятия не имели, что забитый монастырский прислужник Гриус и тот дерзкий, смертельно опасный боец, который ушел от них год назад, — одно и то же лицо, да это вообще никто не знал — кроме Люциуса. Для Шрама и Клыка картина складывалась иначе: год назад из столицы прислали тайного агента, который вытащил сына барона Рогана, прихватив по пути в качестве проводника или мелкого помощника местного паренька-прислужника при храме Гриуса, а теперь этот же столичный лазутчик вернулся в Окхейм, что бы закрыть какие-то свои обязательства перед родней погибшего помощника и заодно прощупать обстановку в графстве.

— Это человек из Тайной канцелярии короля, — тихо, но твердо заключил Шрам, прищурившись. — Никакой он не переговорщик из Риверкросса — тогда он просто блефовал, чтобы выиграть время. Работает слишком чисто, по-военному: ноль шума, трупы без свидетелей, мгновенный нажим на купцов через писца. И граф де Вале, и лорд Ральф де Мартел ищут его по всему графству.

— Так давай поднимем всех бойцов и возьмем его, пока не ушел! — прохрипел Клык, хватаясь за рукоять короткого меча. — Я этому столичному шпику глотку вырву за свою ногу!

— Остынь, Клык, — холодно осадил его Шрам, поправляя кружевной манжет. — Нам с этим агентом сейчас лоб в лоб сталкиваться незачем. Если он работает на корону, за его спиной стоит Мортенхайм — а нам с тобой лишняя кровь и королевские каратели в Окхейме ни к чему. Я и так всю жизнь лезу из этой грязи, чтобы однажды выбить себе чистые бумаги и настоящий дворянский титул, а не сдохнуть в канаве по прихоти графа де Вале. Проверь по заставам и постоялым дворам, куда он двинул, но приказ один: без моего слова не трогать, наблюдать осторожно и держать дистанцию.

Но когда первые соглядатаи Шрама только вышли на Торговую площадь, гнедой жеребец Макса уже мерно отбивал копытами пыльный тракт в пяти лигах к востоку от Окхейма.

Солнце стояло высоко, степной и лесной ветер приносил с юга сухой запах полыни и прогретой хвои, а дорога вилась среди пологих холмов в сторону столицы другого графства, купеческого города Валлантии — возле его стен должен сейчас находиться большой цыганский таборе, в котором под присмотром цыганского барона, Макса ждали двое спасенных им подростков брат и сестра, Катя и Петя.

— *Хорошо поработали в Окхейме, солдат,*— удовлетворенно протянул в сознании Люциус, наслаждаясь ровным бегом коня и полной безопасностью. — *Семью пацана прикрыл, долги раздал, с роскошной вдовой на девять месяцев вперед простился, да еще и ценнейшую наводку про мятеж графа де Вале и орков на границе с собой увез. Теперь бы еще в Валлантии не вляпаться в какую-нибудь новую историю — и можно со спокойной душой возвращаться к академическим будням.*

— Не каркай, Док, — усмехнулся Макс, щурясь на уходящую к горизонту ленту дороги. — В этих краях спокойная жизнь обычно заканчивается ровно там, где начинается очередной трактир. Но сперва доберемся до табора и заберем детей — я обещал им нормальный дом в столице, и слово свое сдержу. Хотя конечно это Катя чертовка вынудила меня дать её слово . Натуральная зеленоглазая цыганская ведьма растет.

Впереди, за следующей грядой зеленых холмов, уже угадывались дымки придорожных деревень Валлантии — и новый виток большой игры, в которую постепенно втягивалось все Восточное Королевство.

Глава 3. Все в сборе

Тракт, уходивший от Оккхейма на восток — в сторону богатого города Валлантия и тянувшихся за ним холмистых перелесков, — жил своей привычной, суетливой летней жизнью. В отличие от вымощенного тяжелыми каменными плитами Великого Гномьего Тракта, эта дорога была обычной, глубоко накатанной за десятилетия проселочной артерией: пыльная лента вилась между золотеющими на солнце полями, дубовыми рощами и невысокими увалами, с вершин которых на много лиг вокруг открывались мирные, спокойные виды.

Существовала, конечно, и прямая, короткая Лесная дорога, пробитая через старую чащу Полумагического леса — по ней до соседнего графства можно было добраться вчетверо быстрее. Но Макс, верный своей привычке ветерана разведки никогда не рисковать без крайней нужды, даже не посмотрел в сторону лесного сворotка. В прошлый раз на той тропе он уже попал под внезапную активность расположенной рядом магической аномалии и хорошо запомнил, во что обходятся прогулки возле нестабильных прорывов маны. Пусть объездной тракт был в четыре раза длиннее — зато он был чистым, просматриваемым и на сто процентов безопасным.

Макс держал крепкого гнедого жеребца на ровной, спорой рыси, время от времени переходя на шаг, чтобы не загонять коня в июньский полдень. Оставив позади приграничный Оккхейм, он физически ощутил, как спало невидимое напряжение последних двух дней. Там, за каменной стеной с голубоватым магическим щитом, остались закрытые долги прошлой жизни Гриуса, зачищенные отморозки, жадные лавочники, ищейки лорда Ральфа де Мартела и озлобленные боссы «Ночных Крыс» во главе с Мастером Шрамом и хромым Клыком Лютым.

— *Какой благодатный покой, солдат,*— лениво протянул в глубине сознания бархатный голос Люциуса. — *Ни тебе перегара в трущобах, ни унылых монахов Зигурда, ни назойливых стражников на каждом углу. Даже солнце здесь, кажется, светит мягче. Правда, после ночных подвигов у роскошной леди Бланш в твоих мышцах до сих пор гуляет приятная истома. Признайся, неплохо мы с тобой вчера спелись?*

— Отлично поработали, Док, — с легкой усмешкой мысленно отозвался Макс, поправляя ремень дорожного арбалета у луки седла. — И развлеклись, и разведку сняли высшего класса. Слова Бланш про то, что граф Морис де Вале и герцог фон Вестен тайно скупают железо, броню и сухари для частной армии — это не просто сплетни. Если к осени на юго-востоке действительно поднимутся орки, а эта банда фанатиков Зигурда ударит королю Вальдхарду в спину, полыхнет все Восточное Королевство.

— *О да, люди обожают резать друг друга именно тогда, когда у порога стоит внешний враг,*— философски заметил пятисотлетний архимаг. — *Классика жанра, за пять столетий ничего не поменялось. Но это, слава Бездне, головная боль Его Величества и графа Малькора в Мортенхайме. А у нас сейчас куда более приземленная задача: забрать двух твоих подопечных оборванцев из табора, доставить их в столицу и спокойно догулять летние каникулы.*

— Не оборванцев, а моих воспитанников, — поправил Макс. — К тому же, если верить старому Радомиру, у Кати серьезный природный дар, а парень растет смышленым. В столице при моей квартире и под присмотром нормальных учителей из них толк выйдет.

К Валлантии он подъезжал ближе к вечеру третьего дня пути, когда полуденный зной уже сменился теплым, напоенным запахом свежескошенного сена и речной воды ветерком. В сам город Макс заезжать не стал — незачем было лишний раз светиться перед городской стражей и вспоминать старую историю с усадьбой местного барона и покойной мадам Лукреции. Обогнув городские стены по широкому проселку, он свернул к знакомой с прошлого года излучине реки, где за густой рощей старых ракит раскинулся большой вольный цыганский табор.

Едва гнедой жеребец вынес всадника на опушку перед лугом, на котором пестрели разноцветные шатры, стояли расписные кибитки и дымились вечерние костры, из прибрежных кустов навстречу бесшумно выросли двое смуглых, жилистых парней с длинными ножами за поясами. Дозорные табора знали свое дело туго — чужак не прошел бы сюда незамеченным ни днем, ни ночью.

— Стой, добрый человек, — негромко, без вражды, но твердо окликнул старший из дозорных, прищурившись на припыленный дорожный колет всадника. — Дальше земля вольного народа. Кого ищешь у наших костров?

— Барона Радомира и его сына Ромэна, — спокойно ответил Макс, придерживая коня и снимая шляпу, чтобы дозорный мог рассмотреть лицо. — Передай барону, что приехал его старый знакомый из Мортенхайма — тот, что в прошлом году привез ему на постой двоих детей из Валлантии.

Старший дозорный вгляделся, узнал всадника, и его хмурое лицо мгновенно расплылось в широкой, белозубой улыбке.

— А-а, столичный гость! Проезжай, уважаемый, барон у главного костра, он тебя недавно поминал добрым словом!

Через пару минут Макс уже спешивался в самом центре шумного, яркого табора. Повсюду слышался перебор гитарных струн, гортанный смех, звон монист, пахло жареной на углях бараниной, травами и конским потом. От главного шатра, расшитого коврами, навстречу ему степенно вышел сам хозяин табора — массивный, усатый великан Радомир в распахнутой жилетке на густой волосатой груди, с тяжелыми золотыми серьгами в ушах и кривым, богато украшенным ятаганом на поясе. Следом за ним шагнул его сын и правая рука Ромэн, сухопарый, цепкий парень лет двадцати пяти с орлиным взглядом знатока лошадей.

— Здравствуй, барон Радомир. Здравствуй, Ромэн, — с уважением склонил голову Макс, пожимая протянутую могучую ладонь великана.

— Мир твоему пути, Макс! — раскатисто, радушно прогремел Радомир, едва не сбив гостя с ног медвежьим объятием. — Вот уж не ждали так скоро, а сердце чуяло — будет гость с запада! Погляди, Ромэн, каким важным паном стал наш знакомец… — одет по столичному, в глазах огонь, и конь под ним хоть и не тот прошлогодний вороной дьявол, которого мы тогда ему подарили, но тоже зверь крепкий, породистый! Ромэн, распорядись насчет коня, задай ему лучшего овса, а мы с дорогим гостем к столу сядем!

Не успел Ромэн увести гнедого под уздцы, как из-за соседней расписной кибитки раздался звонкий, радостный визг, и через мгновение к Максу со всех ног бросились двое.

Первым подлетел Петя — за минувший год мальчишка заметно вытянулся, загорел до черноты, раздался в плечах и из забитого, испуганного заложника превратился в шустрого, крепкого двенадцатилетнего сорванца в чистой рубахе и сапогах. А следом, раскрасневшись от бега, с разбегу бросилась ему на шею пятнадцатилетняя Катя — высокая, стройная, с длинной черной косой и тяжелым серебряным амулетом на груди. Не стесняясь ни табора, ни барона Радомира, девушка крепко обвила Макса руками и жарко, по-взрослому поцеловала прямо в губы. и надо сказать целоваться она умела . Макс подумал только - где эта чертовка так научилась целоваться.

— Макс! Наконец-то ты приехал! — выдохнула она, прижимаясь к нему всем телом и сияя счастливыми темными глазами, в которых светилась самая настоящая, недетская влюбленность. — Я каждый день на дорогу бегала смотреть! Бабка Злата еще три дня назад на углях раскинула и сказала: жди, скоро приедет твой суженый из большого каменного города. Мы уже и узлы собрали!

Макс усмехнулся, мягко погладил девушку по спине, слегка придержав ее за талию, чтобы дать перевести дух, и свободной рукой потрепал Петю по вихрастой макушке. За минувший год Катя заметно расцвела, и ее откровенная, пылкая привязанность уже давно переросла

простую благодарность — впрочем, пока ей было пятнадцать, Макс держал четкую дистанцию, хотя и понимал, что еще через год удержаться от такой красавицы будет ох как непросто.

— Молодцы, что не подвели, — тепло ответил он. — Я же обещал, что заберу вас в столицу, как только встану на ноги и куплю дом. Слово свое я держу.

Ужин у главного костра затянулся далеко за полночь. Радомир выставил лучшее вино, жареного на вертеле барашка и свежие лепешки. Захмелевшие цыгане пели, плясали у огня, а сам барон, придвинувшись к Максу в сторонке от общего шума, заговорил вполголоса:

— Хорошо ты сделал, что приехал за ребятами, Макс. Смышленые они оба, добрые, табор их полюбил как родных. Парень с лошадьми управляется лучше иного взрослого, а у девчонки — настоящая природная сила в крови, наша старая травница с нее пылинки сдувала, учила отварам да заговорам. Но в городе ей нужна настоящая школа, иначе дар без присмотра сам себя жечь начнет. Да и сама она, как видишь, только тобой и бредит — все глаза проглядела на столичный тракт. Через год будет тебе лучшей женой . тем более наши женщины научили её своим цыганским хитрым штучкам.

— Знаю, барон, в столице ей найдется и хороший наставник, и крыша над головой. А насчет женитьбы не знаю, там видно будет — кивнул Макс, отпивая из чаши. — А как вообще обстановка на дорогах? В Валлантии и вокруг все тихо?

— В целом спокойно, — пожал плечами Радомир. — Властям в городе до табора дела нет, мы их не трогаем, они нас не цепляют, тем более мы всегда им платит и официально и не официально На границе со степями пока тишина — разве что кое-кто из наших купцов болтал, будто в дальних улусах у орков какой-то молодой вождь силу набирает, но до большой степной бури еще года два-три, не меньше. Так что путь на Мортенхайм сейчас чистый и ровный.

— Это радует, — усмехнулся Макс, отпивая из чаши. — А теперь к делам, барон. Помнится, год назад я оставил тебе двести золотых за два года содержания Кати и Пети. Прошел ровно год, так что половина этой суммы за тобой. Плюс мои законные восемь процентов от доли контрабандистов, куда я пристроил пятерых твоих парней.

Радомир широко, уважительно рассмеялся, хлопнув себя по колену.

— Умеешь ты считать монету, Макс, как настоящий цыганский староста! Все до последнего медяка учтено. Доля твоя от контрабандистов лежит в сундуке в целости — ровно восемьдесят золотых монет, сейчас же отсчитаю. А вместо сотни золотых за второй год, если не против, отдадим тебе с Ромэном трех лучших лошадей из нашего табуна! Помнишь того жеребца, что я подарил тебе на отъезд в столичную Академию? Так нынешние ничуть не хуже, в Мортенхайме с руками оторвут.

— По рукам, барон, три хороших коня в хозяйстве никогда не лишние, — кивнул Макс. — Только забирать детей прямо завтра с утра я не стану — задержусь здесь на пару-тройку дней. Хочу сходить в лес, проведать своих побратимов из клана «Мохнатая Лапа», да и еще кое-кого навестить надо. Пусть Катя с Петей пока побудут у вас под присмотром, а на обратном пути я их заберу и двинем в столицу.

— Да хоть неделю гости, Макс! — радушно махнул рукой Радомир. — Для тебя и твоих ребят наш табор всегда как родной дом.

Утро в цыганском таборе началось с мягкого речного тумана, ржания табуна на заливном лугу и аппетитного запаха свежеиспеченных лепешек, тянувшегося от костров.

Едва Макс вышел из выделенного ему гостевого шатра, как к нему тут же подбежала Катя и как всегда набросилась на Макса с поцелуями, да не просто так, а все норовила поглубже ему в рот засунуть свой проворный язычок… Девушка уже успела переодеться в нарядную красную юбку и расшитую бисером блузку, но узнав от барона Радомира, что отъезд в столицу откладывается на три дня, заметно надула пухлые губки.

— Ну вот, я так и знала! — с шутливой обидой протянула она, снова бесцеремонно повисая у Макса на шее и прижимаясь всем телом. — Опять ты в свой лес убегаешь! Небось к

той лесной колдунье пойдешь, про которую старухи в таборе мне нашептали? Смотри у меня, Макс, я уже выросла и все равно тебя никому не отдам! По цыганским обычаям я уже должна еще год назад замужем быть!

— *Ого, какая собственница подрастает, солдат,*— ехидно фыркнул в голове Люциус. — *Еще годик — и эта цыганская ведьмочка даст фору самой леди Бланш. У тебя, я смотрю, куда ни плюнь — везде гарем собирается.*

— Не выдумывай глупостей, Катя, мы то с тобой не цыгане — усмехнулся Макс, аккуратно высвобождаясь из ее цепких объятий. а то как то он стал слишком покорным в её цепких и сильных девичьих руках. — В лесу у меня братья по крови из клана «Мохнатая Лапа», нужно проведать, как они живут, да переговорить по делу. А вы с Петей пока не скучайте — через три дня вернусь, и сразу выезжаем в Мортенхайм.

Рядом уже крутился Петя, с восторгом разглядывающий трех великолепных скакунов, которых Ромэн привел с дальнего выпаса. Сын барона действительно не поскупился: два стройных, длинноногих караковых жеребца и огненно-рыжая кобыла с белой звездой во лбу лоснились на утреннем солнце, переступая точеными ногами и настороженно прядая ушами. Таких коней в столичных конюшнях Мортенхайма можно было сбыть за целое состояние — как и того прошлогоднего жеребца, за которого Макс выручил восемьдесят золотых.

— Хороши звери, Ромэн, — одобрительно оценил Макс, похлопав по шее ближнего каракового. — Присмотри за ними и за моим гнедым, пока я буду в лесу. А восемьдесят золотых с контрабандистов я уберу в переметную суму — таскать лишний вес по бурелому ни к чему.

Оставив в шатре Радомира тяжелые сумы, длинный меч и лишнюю поклажу, Макс снарядился по-лесному: надел легкую, не стесняющую движений охотничью куртку, повесил за спину короткий лук и колчан, на пояс прицепил верный охотничий нож, а в скрытую кобуру под мышкой привычно лег тяжелый гномий магический пистолет.

Спустя полчаса он уже шагал по едва заметной звериной тропе вглубь старого, сумрачного Полумагического леса, который тянулся к северу от Валлантии и упирался в дикие владения северных варваров.

Под пологом вековых дубов и елей полуденный июньский зной сразу отступил. Здесь пахло сырым мхом, прелой хвоей, грибницей и диким медом; сквозь плотную зеленую крону пробивались редкие золотистые столбы света, в которых кружились лесные мошки. Ноги сами вспоминали привычную мягкую походку разведчика — ни одна сухая ветка не хрустнула под сапогом, ни один камень не покатился по склону оврага.

— *Хорошо здесь,*— с неожиданным удовольствием протянул Люциус, впитывая через чувства Макса чистую, нетронутую городским смрадом лесную ману. — *Тихо, свежо, и местным аристократишкам сюда путь заказан — варвары быстро укорачивают руки всякому, кто сунется на их охотничьи угодья без спроса.*

— Это точно, — мысленно согласился Макс. — Клан «Мохнатая Лапа» свое слово держит крепко. Главное — не нарваться сдуру на их дальние ловушки раньше, чем они услышат мой сигнал.

Пройдя вглубь чащи около двух лиг, Макс остановился на краю небольшой поросшей папоротником поляны, сложил ладони лодочкой у губ и трижды издал негромкий, отрывистый крик лесного сыча — условный знак, которому его в прошлом году обучил сам вождь клана.

Не прошло и минуты, как из густого ельника справа и слева бесшумно, словно выросшие из-под земли, выступили четверо лесных дозорных. При виде этих бойцов у любого городского солдата душа ушла бы в пятки: гиганты ростом больше двух с половиной метров, целиком покрытые густой, жесткой шерстью, подпоясанные широкими ремнями с тяжелыми боевыми топорами и метательными копьями. Но стоило старшему дозорному вглядеться в лицо невысокого по их меркам человека на поляне, как суровые звериные черты великана расплылись в широкой, радостной ухмылке.

— Гляди-ка, парни! — басовито прогремел варвар, опуская тяжелый топор и стукнув себя кулаком в волосатую грудь в знак высшего уважения. — Сам Макс пришел! Побратим вождя, победитель Громгара!

В клане «Мохнатая Лапа» Макса знали и почитали выше любого рядового воина. Для сурового лесного народа сила, меткость и стальные нервы значили куда больше знатного происхождения, а год назад Макс не просто выдержал испытание Совета Старейшин, но и одолел самого вождя в состязании. И это было еще не все. По древнему закону гостеприимства, почетного друга племени на ночь оставляют на ложе с женой вождя. Максу тогда досталась младшая жена Громгара — горячая, ненасытная тигрица, которую даже сам вождь варваров втайне побаивался как огня, потому что она каждую ночь по графику (У Громгара было три жены) выжимала из него все соки до полного изнеможения. Но бывший спецназовец, усиленный магией и советами Люциуса, так загнал ту младшенькую в постели, что на следующее утро любительница "сладенького" варварша проспала до самого обеда с абсолютно блаженной, счастливой улыбкой на лице. С того дня все женщины племени провожали «хрупкого» с виду человека взглядами, полными благоговейного шока и нескрываемого восторга.

Через четверть часа Макс в сопровождении почетного караула уже входил в большое, ухоженное поселение клана «Мохнатая Лапа», укрытое в глубокой котловине у горячих минеральных источников. Здесь стояли добротные бревенчатые срубы, в загонах фыркали мохнатые лесные бизоны с красными глазами, в кузнице звонко стучал молот, а мимо с визгом пронеслась ватага голышом бегающих волосатых ребятишек.

В центре поселения, у большого очага, Макса уже ждал сам хозяин клана — могучий, матерый варвар ростом около двух с половиной метров с коротким тяжелым копьем в руке, Громгар Большое Копье. Широкие, литые плечи великана прикрывал массивный наплечник из толстой кожи болотного гиганта, подбитый стальными пластинами с тяжелой серебряной бляхой в виде оскаленной медвежьей морды. Поверх кожаного колета в пятнах старой крови была наброшена роскошная серебристая шкура полярного волка, предплечья защищали кованые наручи с грубой гравировкой, а широченный пояс с медными бляхами держал тяжелый кинжал и охотничьи ножи.

— Здравствуй, брат! — раскатисто, словно гром в горах, прогремел Громгар, сгребая Макса в могучие объятия. — Вот уж не ждали тебя в разгар лета! Думали, ты в своем каменном Мортенхайме совсем в книжного мага превратился и забыл дорогу к нашему очагу!

— Разве вас забудешь, Громгар, — усмехнулся Макс, отвечая на железное рукопожатие. — Вырвался на каникулы из Академии, заехал за детьми в табор, да вот свернул в лес — проведать побратимов и посмотреть, как растет твой наследник.

Едва по поселению разнеслась весть о приходе Макса, из бревенчатых изб посыпали женщины — чуть ниже мужчин, но такие же крепкие и покрытые густой мягкой шерстью, за исключением открытых лиц и ровных светлых кругов вокруг верхушек массивной груди. Впереди всех, сияя глазами, выбежала та самая младшая жена вождя Урсула — и при виде Макса по ее щекам мгновенно разлился густой румянец, а стоявшие рядом подруги зашептались и заулыбались, вспоминая прошлогодний ночной подвиг столичного гостя.

Варвары немедленно закатили пир: на вертелах зашкварчала свежая дичь, на длинные дубовые столы выставили жбаны с хмельным медом и крепкой ягодной настойкой, а после обильной еды вся компания по старому обычаю отправилась к огороженному каменными плитами большому бассейну с целебной горячей водой из подземных источников.

Уже под вечер, когда пар над источниками рассеялся, а воины разбрелись по срубам, Громгар присел с Максом на нагретые подземным теплом отесанные валуны, подстелив толстые шкуры, закурил короткую костяную трубку и заговорил негромко:

— Хорошо, что ты зашел, Макс. С тобой мы связаны кровью и честью. Скажи как есть: в столице сейчас спокойно? Король Вальдхард крепко держит поводья?

— В Мортенхайме тихо, Громгар. Король на троне, стража на месте. А почему спрашиваешь?

— Неделю назад наши следопыты у западной кромки леса перехватили двух гонцов, ехавших из земель герцога фон Вестена в сторону Окхейма, — хмуро сказал вождь, выпуская кольцо дыма. — Убивать не стали, пугнули да обчистили слегка. Везли они письма с печатями: знатные лорды из Культа Зигурда готовятся к большому переделу власти, а на юго-востоке степные орки начинают стягивать кланы. До большой войны еще года два, не меньше, но нам знать надо заранее — по старому договору с королем Вальдхардом, когда грянет буря, наши кланы должны выставить четверть всех бойцов на службу трону. Хочется понимать, кому мы будем прикрывать спину.

— Король Вальдхард свое слово держит всегда, Громгар, — твердо ответил Макс. — И в столице знают о шашнях фон Вестена и графа де Вале. Не лезьте в их игры раньше времени, берегите воинов — когда придет срок, корона позовет вас сама и заплатит сполна.

— Мудрый совет, брат, — кивнул вождь и вдруг хитро прищурился, хлопнув Макса ладонью по плечу так, что загудели кости. — Ну, с нами ты посидел, а теперь, небось, к серебряному озеру в заповедную рощу соберешься? Там тебя лесная хозяйка уже заждалась — вчера наши охотники мимо проходили, так деревья в той стороне аж шелестели от тоски. Да и от греха подальше — моя младшая сегодня целый день кругами вокруг тебя ходит, как рысь перед прыжком, боюсь, до утра меня опять без жены оставишь!

Макс громко рассмеялся, хлопнув великана по бронированному наплечнику. Переночевав в почетном гостевом срубе, на рассвете он взял легкий узелок с гостинцами и один пошел по заповедной тропе в самую глубь леса — туда, где у лесного озера жила прекрасная, загадочная лесная дриада.

Заповедная роща в самой глубине Полумагического леса встретила Макса густой, звенящей тишиной и пряным запахом прогретой солнцем хвои, дикого меда и речной мяты. Сюда не заходили даже самые отчаянные охотники из клана «Мохнатая Лапа» — варвары чтили древний договор с хозяевами этих мест и обходили серебряное озеро стороной.

Макс вышел на знакомую с прошлого года мягкую, заросшую изумрудным мхом поляну в двадцати шагах от прозрачной глади воды, скинул заплечный мешок у корней исполинского, в четыре обхвата, векового дуба и устроился на теплом валуне. Из мешка он достал завернутый в чистую ткань еще теплый, истекающий пряным соком кусок запеченной на углях оленины, прихваченный с утреннего стола у Громгара.

Долго ждать не пришлось.

В ту же секунду могучий ствол старого дуба в двух шагах от него странным образом разделился надвое без единого скрипа, и из самой живой древесины плавно, с кошачьей грацией шагнула молодая, необычайно изящная девушка. Тонкую, бархатистую кору темно-бурого цвета, покрывавшую ее стройное тело вместо обычной кожи, прикрывал лишь небрежно накинутый распахнутый плащ из бурой шкуры, а с плеч вместо волос струились гибкие, шелковистые зеленовато-бурые лозы.

— Я так и знала, что это ты, Макс! — звонко, с неподдельным восторгом воскликнула Сильвия, едва не бегом подлетая к валуну и с размаху плюхаясь на мягкий мох рядом с ним. — Я твои шаги по корням деревьев еще за пол-лиги почувствовала! Неужели сам пожаловал, а не приснилось?

— Сам, Сильвия, — улыбнулся земной прагматик, протягивая лесной гостье аппетитный, дымящийся кусок жареной оленины. — Держи, с пылу с жару, прямо с костра варваров.

Юная дриада радостно засмеялась, приняла угощение обеими руками и принялась с превеликим аппетитом уплетать мясо, лукаво поглядывая на него из-под пушистых ресниц.

— М-м-м, объедение! Все-таки люди и варвары умеют готовить так, что даже древнему роду друидов устоять невозможно, — прожевав, мягко улыбнулась она и придвинулась вплот-

ную, прижавшись прохладным, пахнущим свежей листвой и дождем плечом к его боку. — Целый год тебя не было, бродяга. Я уж думала, совсем меня на своих городских барышень променял, пока я здесь жду когда за мной мой будущий муж приедет — да осталось в общем то немного всего 4 года, но и ты пропал, совсем мне скучно стало, особенно когда весна и весь лес сок пускает. А я хоть и не дерево но и во мне сок бурлит, ну это я тебе уже говорила.

— Тебя забудешь, — негромко усмехнулся Макс, обнимая ее за тонкую талию и ощущая под ладонью удивительную, упругую бархатистость живой древесной коры.

— *Ох, солдат, до чего же дивное создание!*— блаженно протянул в глубине сознания Люциус. — *Чистая, первозданная лесная мана так и струится от каждой ее ветки! Не вздумай просить ее менять облик — в этом природном виде она хороша до невозможности.*

— Сам разберусь, Док, — мысленно отрезал Макс, отключая внутреннего комментатора и целиком сосредотачиваясь на девушке.

Ему, закаленному ветерану ГРУ, действительно было абсолютно наплевать на видовые трансформации. В своем естественном, лесном образе — с гибкими лозами, щекочущими его грудь и плечи, и горячей, упругой корой, которая под его пальцами становилась податливой и жаркой, как самый нежный шелк — Сильвия заводила его ничуть не меньше, чем в облике обычной человеческой девушки.

Расправившись с мясом, дриада облизнула пальцы, хитро прищурилась, скинула свой бурый плащ прямо на мох и сама оседлала Макса, сняв с него штаны и накрывая его губы долгим, жадным, пахнущим лесными ягодами поцелуем.

— Сегодня ты отсюда до самого вечера не уйдешь, Макс, — горячо выдохнула она ему в ухо, скользя бедрами то взад то вперед, насаживаясь на него. — Ох… сладко, прошептала она, — какой у тебя длинный и толстый корень — входит в меня до самых глубин!

Дальнейшие часы в заповедной роще превратились в сплошной, головокружительный вихрь страсти. Сильвия в любом обличье оставалась для него потрясающим, горячим и совершенно неутомимым партнером. В разгар их любовного марафона, когда они перебрались в мягкую, прогретую солнцем траву у самой кромки серебряного озера, дриада с тихим смехом на мгновение окуталась легким зеленоватым мерцанием — и вот уже в его объятиях изгибалась и стонала роскошная, смуглая человеческая девушка с гладкой, упругой кожей и копной шелковистых темных волос, а спустя еще полчаса, на новом пике наслаждения, она снова вернулась в свой родной, дикий лесной облик, обвивая его спину и бедра живыми, трепещущими от блаженства лозами.

Только когда солнце начало клониться к верхушкам вековых елей, окрашивая воду в озере в густой багрянец, оба наконец затихли на мягком ковре из мха. Сильвия лежала, положив голову ему на грудь, и лениво чертила пальчиком узоры на его коже.

— Хорошо с тобой, Макс… — тихо промурлыкала она. — Ты не такой, как остальные люди. В тебе нет ни жадности, ни страха перед лесом, ни гнилой спеси. Ты пришел сюда ненадолго, правда? Снова в свой большой каменный город уедешь?

— Завтра с утра в дорогу, Сильвия, — честно ответил он, перебирая пальцами ее прохладные шелковистые лозы. — Заберу подростков из цыганского табора — и обратно в Мортенхайм, скоро новый учебный год в Академии. Кстати, хотел у тебя как у представительницы древнего рода спросить одну вещь, пока мы здесь.

— Спрашивай, милый, — дриада приподняла голову, заглядывая ему в глаза.

— Позапрошлым днем я не поехал через короткую Лесную дорогу, обошел по большому тракту, — негромко сказал Макс. — Помню, как в прошлый раз там рядом с просекой полыхнула аномалия — чуть меня насквозь не прожарило — и тело и мозги. Откуда вообще в лесу берутся эти «Шепчущие пустоши», ледяные ямы и огненные котлы? Наши столичные ученые маги руками разводят, а древний род друидов наверняка знает куда больше.

Сильвия на секунду посерьезнела, ее золотисто-зеленые глаза задумчиво сузились.

— Умный ты вопрос задал, Макс. Люди вечно лезут туда, чего не понимают, а потом удивляются, почему лес сходит с ума. Эти прорывы — старые шрамы на теле земли. Три столетия назад, когда рушилась древняя Империя и ваши великие маги рвали друг друга запретными заклятиями, они пробили саму ткань глубинных энергетических жил континента. С тех пор в тех местах мана сочится наружу, как кровь из плохо зажившей раны. Одни раны дышат ледяным холодом, другие жгут огнем, а третьи сводят с ума любого, у кого слабая воля.

— *Ха! Слышал, солдат?!*— с торжествующей усмешкой подал голос из глубины сознания Люциус. — *Прямо в точку, как я и предполагал! Трещины в энергетических жилах от войн времен падения Империи! Запомни это крепко: в будущем, если мне понадобится быстро напитать ядро древней силой без лишних свидетелей, лучшего источника, чем кромка такой жилы, нам не найти.*

— Но тебе, Макс, я дам один добрый совет, — продолжала Сильвия, снова улыбнувшись и достав из складок своего бурого плаща небольшой, идеально круглый плод темно-изумрудного цвета, похожий на крупный грецкий орех. — Возьми вот это. Это плод Сердцевинного Дуба, он вызревает раз в десять лет. Если когда-нибудь снова окажешься рядом с ментальной воронкой или попадешь под сильное проклятие разума — просто раскуси его. Он мгновенно выжжет любую чужую дрянь из головы и восстановит силы. А если ранят в бою — сок этого плода затянет даже глубокую рану от отравленного клинка.

Макс бережно принял подарок и убрал изумрудный орех во внутренний карман охотничьей куртки, поцеловав дриаду в мягкие губы.

— Спасибо, Сильвия. Береги себя и свой лес. Обещаю, как только вырвусь из столицы в следующий раз — обязательно загляну в гости.

Переночевав в заповедной роще под открытым звездным небом в теплых объятиях дриады, на рассвете Макс распрощался с Сильвией и быстрым, спорым шагом двинулся обратно на юг — мимо стойбища клана «Мохнатая Лапа» прямиком к речной излучине, где стоял цыганский табор.

К полудню он уже был у костров барона Радомира. Все было готово к отъезду: Катя и Петя в новых дорожных костюмах сияли от нетерпения, переметные сумы с восемьюдесятью золотыми от доли контрабандистов были накрепко приторочены к седлу гнедого жеребца, а Ромэн уже вывел в повод три великолепных скакуна — двух вороных-караковых жеребцов и огненно-рыжую кобылу, предназначенных для выгодной продажи в Мортенхайме. Того коня - на котором приехал Макс - он решил оставить цыганам. Сначала думал взять как запасного - но вещей у них с собой было мало , да и поедут они с караваном .

Попрощавшись с цыганским бароном Радомиром и его сыном и в назначенное время встретились с караваном купцов. Макс рассудил трезво: путь до столицы Восточного Королевства занимал добрых десять суток верхом, и тащить в одиночку двоих подростков да трех дорогих скакунов через весь тракт было бы чистым безрассудством. Поэтому через знакомых купцов Радомира он заранее договорился присоединиться к большому торговому каравану, который как раз выходил из Валлантии на северо-запад в сторону Мортенхайма. Посадив Петю на одного из караковых жеребцов, а Катю — на резвую рыжую кобылу, Макс тронул своего гнедого и встроил свой небольшой отряд в середину охраняемой купеческой колонны, уходящей навстречу величественным стенам столицы. На этот раз он был не наемник, а такой же как купцы со своими работниками. И нанятые наемники должны были их охранять - ну а Макс в случае чего поможет отбиться от лихих людей или зверей.

Глава 4. Новая семья

Деся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.